

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

КОНЕЦ СВЕТА

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

Головачёв, Василий Васильевич.

Г61 Конец света : [фантастический триллер] / Василий Головачёв. — Москва : Эксмо, 2017. — 352 с. — (Абсолютное оружие).

ISBN 978-5-699-95634-0

Трагическая гибель генерал-майора полиции Николая Зимятова потянула за собой ниточку расследования, в сферу интересов которого одно за другим начали попадать «странные» дела, связанные с самовозгоранием людей. Что это — мистика? Новое природное явление? Чья-то злая воля или научные эксперименты, проводимые спецслужбами? И почему именно сейчас, когда страна оказалась на пороге очередного политического кризиса? Однажды став участником событий, объяснение которым еще предстоит найти, майор ФСБ Михаил Потапов вынужден срочно реагировать на эти загадочные явления и спасти от «просветления» обреченных на гибель людей...

Адрес интернет-страницы автора:
www.golovachev.ru

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95634-0

© Головачёв В.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Восстановление чистоты мира требует смелых, решительных действий, а не тоскливого красноречия и безвольных политических протестов, на которые всё равно никто не обращает внимания.

Р. Ладлэм. Зелёная угроза

СОБЫТИЕ

Если бы случайный прохожий смог проникнуть на территорию Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, он едва ли обратил бы внимание на скучное трёхэтажное здание на берегу пруда, в тупике улицы Пасечной. Никакими архитектурными достоинствами, изяществом линий и качеством отделки оно не обладало, как и все административные здания советского периода. Вот только появиться случайный прохожий рядом с этим зданием не мог. Несмотря на незатейливую вывеску: «Агропромышленная корпорация «Восток», здание принадлежало ФСБ и охранялось не хуже знаменитого комплекса зданий на Лубянке.

Нынешнее лето выдалось прохладным, и в августе постоянно шли дожди, снижая температуру воздуха в Москве против климатической нормы на шесть-восемь градусов. Те, кто работал либо отдыхал на даче, не имея возможности полететь к морю, ворчали на

погоду и «проклятых американцев», экспериментирующих с климатом. Те же, кто по большей части торчал перед монитором компьютера, а таких насчитывались миллионы в столице и Подмоскovie, не особенно обращали внимание на погоду, убивая время и собственное здоровье виртуальной реальностью.

То же самое относилось и к сотрудникам «Агропромышленной корпорации», вынужденным являться на работу в любое время суток без опозданий и жалоб на «всеобщее планетарное потепление», в результате которого в средней полосе России почему-то холодало и чаще шли дожди.

В двенадцать часов дня у центрального входа в здание остановилось два автомобиля: чёрный кроссовер «Порше Кайенн» и лимузин «Чайка» отечественного производства. Разрабатывалась «Чайка» для кортежей президента страны, однако, как всегда бывает у власть имущих, на таких лимузинах, способных выдержать взрыв противотанковой мины и выстрел из противотанкового гранатомёта, ездили теперь все высокопоставленные чиновники и главы силовых структур.

Из «Порше» вылез молодой человек в строгом чёрном костюме, подошёл к «Чайке», из которой выскочил такой же парень в чёрном, открыл заднюю дверцу автомобиля. Оттуда не спеша выбрался крупнолицый, головастый, стриженный чуть ли не «под ноль» мужчина в полосатом костюме, при галстуке. Оба моло-

дых телохранителя проводили его ко входу в здание «Агропромышленной корпорации» и проследовали за ним.

В небольшом холле, снабжённом турникетом и рамкой магнитного сканера, гостя ждали двое мужчин: высокий, выше гостя на полголовы, узколицый, с мощными бровями, обладатель роскошной волны седеющих волос, и приземистый толстяк с одутловатым лицом и блёклыми, неопределённого цвета глазами. На обоих были белые халаты.

— Останьтесь, — приказал гость сопровождающим, не глядя на них.

Парни послушно отошли в сторонку.

Встречающие дождались, когда гость пройдёт через систему контроля (зазвенело, но его пропустили без досмотра), подошли к нему. Высокий протянул руку, толстяк подобострастно поклонился.

Гость — это был заместитель директора ФСБ Коржевский — пожал руку высокому, кивнул толстяку, и все трое проследовали по широкой лестнице из холла на второй этаж здания, в кабинет руководителя «корпорации», на двери которого висела золотая табличка: «Калажников Н. Н. Директор».

Кабинет был небольшой, специфического вида. Все его стены представляли собой стеллажи с какими-то приборами, сложными устройствами, антеннами, узлами аппаратуры и моделями неких механизмов. Лишь стена за столом директора являлась книжным шка-

фом, в нише которого между полками висел портрет премьер-министра, а не президента, как можно было ожидать.

— Присаживайтесь, Адольф Эмильевич, — пригласил хозяин кабинета.

— У меня мало времени, Николай Наумович, — проворчал Коржевский, но сел. — Давайте сразу к делу. У вас всё готово?

— Так точно, — кивнул Калажников, занимая своё кресло чёрной кожи без всяких вензелей и инкрустаций. — Остались последние штрихи, объект проходит последнюю стадию процесса активации инфламмосомы.

— Активацию чего?

— Разрешите? — несмело шагнул к столу толстяк.

Калажников вопросительно посмотрел на гостя.

Тот глянул на часы, побарабанил пальцами по столу.

— Если коротко.

Толстяк присел на краешек стула напротив, развернул лежащий на столешнице планшет.

— В двух словах... для активации эгана требуется настроить ансамбли клеток организма...

— Минуту, Николай Наумович, вы говорили, что готовы провести испытания этого... эгана. Вы здесь будете его испытывать?

— Разумеется, не здесь, в специальной камере.

— Вот и давайте проводите.

— Мы хотели бы предварительно объяснить суть теории.

— Мне нужен результат, а не теория.

— Но если вы будете докладывать наверх об испытании эгана, — с улыбкой сказал Калажников, — у вас могут спросить о принципе действия.

Коржевский пожевал губами, нехотя кивнул.

— Хорошо, только покороче, у меня важная встреча в два часа дня.

— Вот, смотрите, — развернул экран планшета толстяк.

— Без фанатизма, Кирсан Вольфович, — погрозил ему пальцем Калажников. — Проведём Адольфа Эмильевича по лабораториям, покажем аппаратуру вживую.

— Тогда я начну с главных постулатов, — заторопился толстяк. — Согласно теории суперструн, так называемые элементарные частицы представляют собой ансамбли, объединяющие частицы и античастицы. То есть антимирры находятся не где-то там в глубоком космосе, а пронизывают наш мир, нас с вами, все материальные структуры. Поэтому эти структуры суть потенциально взрывчатые вещества, способные в определённых обстоятельствах аннигилировать. Мы смогли рассчитать параметры процесса, который ведёт к разбалансировке ансамблей частиц и к аннигиляции. К сожалению, пока только в жи-

вых объектах со слабым психоконтролем... — Толстяк нерешительно посмотрел на своего шефа.

— Экспериментировали в основном на кроликах, — пояснил Калажников, глядя на экран своего компьютера. — Хотя наша задача была — дойти до объектов с полноценной психикой, то есть людей, которых можно заставить реагировать на закладку.

— Совершенно верно, — подхватил толстяк. — Но тело живого существа, в том числе человека, состоит из миллиардов клеток, которые в свою очередь состоят из триллионов атомов...

— Ещё короче.

— Поэтому заставить их проаннигилировать одновременно невозможно, — закончил мысль Кирсан Вольфович. — Приходится выращивать нанокластер — белковую структуру, так называемую инфламмасому, высвобождающую в цитоплазму клетки так называемые цитокины. Мы смогли создать особые цитокины, активирующие бета-амилоиды...

Замдиректора ФСБ поднял ладонь, недовольно посмотрел на хозяина кабинета.

— Ну?

— ...вызывающие не просто иммунный ответ, а инфляционный — взрывной распад элементарных частиц, — пролепетал толстяк, — так называемый холодный термодинамический распад...

Калажников засмеялся.

— Кирсан Вольфович сел на своего конька. Если не применять спецтерминологию, то суть проекта вот в чём. Издавна известны случаи полного сгорания людей, после чего от них не оставалось даже костей. Мы занялись изучением этого процесса лет сорок назад, а два года назад появился «проект ФФ» — «Фотонная фауна», в результате реализации которого наши специалисты докопались до истины. Теперь мы в состоянии управлять эгоаннигиляцией, хотя пока и в ограниченных масштабах. Продолжайте, коллега.

— В общем, да... есть проблемы, — после паузы начал толстяк. — Инфламмосомы эгана пока не достигают необходимых величин, мешает естественное обновление организма, и тело испытателя не сгорает полностью.

— Почему?

Толстяк криво улыбнулся.

— Большинство клеток тела полностью заменяется новыми. К примеру, пока я это говорил, в вашем организме сменилось около ста миллионов клеток. Продолжительность жизни клеток крови варьируется от нескольких часов до месяца, тромбоциты существуют девять дней, время жизни микротрубок нейронов составляет около десяти минут, актиновые филаменты в дендритах вообще существуют всего около сорока секунд. Приходится постоянно программировать рост инфламмосомы...

— Ещё короче, пожалуйста.

Толстяк вспотел.

— Мы начали с сердца, его клетки наиболее устойчивы к замене клеточного материала...

— Поэтому нам удалось задерживать срабатывание эгана пока только на трое-четверо суток, — закончил Калажников. — Полного сгорания не получается, но процесс понятен и будет скоро доведён до финала.

— Почему же люди... судя по свидетельствам... сгорали полностью, а ваши испытуемые — нет?

— Мы работаем над этим, Адольф Эмильевич, добились сгорания самого устойчивого органа — сердца. Можем продемонстрировать вам первый образец.

— Так уж и первый? — прищурился Коржевский.

Калажников развёл руками, не смущаясь.

— Ну... говорят... и Гагарин не первым летал в космос?

Заместитель директора ФСБ встал.

— Идёмте.

Переглянувшиеся руководители «Востока» последовали за ним.

Испытательный полигон, как его называли сотрудники «корпорации», а на деле секретной лаборатории ФСБ, располагался на третьем подземном уровне, на глубине двенадцати метров.

Спустились вниз, прошли по широкому светлomu коридору с десятком белых дверей

под номерами, остановились перед мощной трёхметровой дверью с рядами контрфорсов и круглых выступов.

В потолке коридора загорелась алая звезда, развернулась в луч сканирующего лазерного устройства, скользящий по остановившимся мужчинам, в стенах загорелись вертикальные синие огни.

— Со мной, — равнодушно бросил Калажников.

Створки двери с тихим гулом разошлись в стороны.

Взору гостей стал доступен большой зал, разделённый прозрачными и полупрозрачными перегородками на отдельные секции.

Калажников повернул направо, минуя две прозрачные колонны, внутри которых струились снизу вверх очереди цветных воздушных пузырей. Остановился на пороге секции, напоминающей хирургическую операционную, заставленную приборными стойками и консолями. Посреди бокса располагалось устройство с подвешенным лежаком, напоминающее томограф. В помещении работали за столиками с экранами мониторов две женщины в серых комбинезонах. На вошедших они не обратили никакого внимания.

— Акцептивный блокатор, — указал на «томограф» Калажников. — Иницирует закладку эгана.

Коржевский с любопытством осмотрел конструкцию.